

УДК 94(450).07

И. В. Егоров

ОБОСТРЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО КРИЗИСА КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ИЗДАНИЯ МАНИФЕСТА ОБ ОТМЕНЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА В РОССИИ

Аннотация. Жизнь русского крестьянина, вдохновлявшая писателей и художников, на протяжении всей истории России не вызывала зависти. Зависимость от климатических условий, давление со стороны помещиков и государства, принудительные экспроприации урожая – все это снижало уровень жизни русского крестьянства. При этом одним из поворотных моментов в жизни деревенского сословия стала отмена крепостной зависимости, которая имела крайне противоречивый характер. В статье рассматривается вызванное последствиями издания Манифеста от 19 февраля 1861 года усиление квартирной нужды, что еще более удалило жизнь народа от желаемого идеала.

Ключевые слова: Александр II, квартирная нужда, малоземелье, урбанизация.

В истории России имя Александра II отождествляется с именем царя-освободителя в связи с созданным им Манифестом от 19 февраля 1861 г. На данный момент существует большой объем научных работ, посвященных анализу различных аспектов реформы по отмене крепостного права. В то же время усилению темпов урбанизации российских городов как одному из последствий указанного события зачастую отводится второстепенная роль. Данная статья создана с целью дополнить многочисленные труды предшественников, осветив еще одну сторону процесса освобождения крестьян от крепостной зависимости.

О том, что беспрецедентные масштабы урбанизации были вызваны именно Манифестом от 19 февраля 1861 г., позволяют судить статистические данные, приводимые А. Г. Рашиным и посвященные изучению динамики численности городского населения Европейской России (без Польши) за два периода: с 1811 г. по 1863 г. и с 1863 г. по 1914 г. Из них следует, что если за первый период прирост городского населения составлял 3340000 человек, то в рамках второго данный показатель находился уже на уровне 12491800 человек, превысив предыдущий более чем в 3 раза. Таким образом, количество деревенских эмигрантов, ушедших в город за 52 дореформенных года, было превышено уже в 1885 г., т. е. через 22 года действия Манифеста [1, с. 86–87].

При этом увеличение численности населения российских городов происходило именно за счет крестьянства. Так, например, в Петербурге на протяжении XIX – начала XX в. доля крестьянского сословия по отношению к остальным группам городских слоев варьировалась от 25 % в 1801 г. до 68,7 % в 1910 г., в то время как применительно к остальным группам населения этот показатель редко превышал даже 20 % [1, с. 126–129].

Отметим, что увеличение численности переселявшихся в город крестьян происходило параллельно с общим ростом численности городского населения,

приобретя грандиозные масштабы после 1863 г. Так, если с 1801 г. по 1831 г. численность переселившихся в Петербург выходцев из деревни увеличилась на 67 000 человек, то с 1869 г. по 1910 г. – на 1103500 человек. А. Г. Рашин при этом отмечал, что «преобладающая масса новых пополнений жителей Петербурга по своей сословной принадлежности была из крестьян» [1, с. 142].

Хотя усиление урбанизации в указанный период связывается в первую очередь с промышленным переворотом, в рамках которого Россия вступила на путь создания индустриальных центров, очевидно, что в контексте рассмотрения пореформенного периода главную роль сыграл фактор отмены крепостного права. Аргументом в пользу приводимого суждения служат реалии тех дней: массовое переселение крестьян, вызванное поиском заработка, приводило к ухудшению жилищных условий большей части городских слоев, что являлось следствием роста безработицы и снижения заработной платы рабочих. Малочисленные промышленные центры были не в состоянии обеспечить работой столь большое количество переселенцев. Преобладавшие же на данном этапе малые города, которые имели на своей территории лишь несколько небольших фабрик, тем более не могли справиться с такой задачей. Подобные факторы приводили к возникновению настоящих рынков рабочей силы, один из которых располагался на печально известной Хитровке, описанной В. А. Гиляровским. Выглядел он следующим образом: «На площадь приходили прямо с вокзалов артели приезжих рабочих и становились под огромным навесом, для них нарочно выстроенном. Сюда по утрам являлись подрядчики и уводили нанятые артели на работу» [2, с. 19].

На переселение в город, жизнь в котором, как мы убедимся далее, выглядела весьма прискорбно, крестьян толкало малоземелье, принявшее гипертрофированную форму именно после 1863 г. Ликвидировав крепостную зависимость, власти поставили низшее деревенское сословие в еще более худшие условия жизни, нежели те, в которых они находились в дореформенную эпоху. Отныне перед крестьянами встала необходимость заключения уставных грамот, подразумевавших выкуп помещичьей земли за сумму, в несколько раз превышавшую ее реальную стоимость. В то же время предоставляемая Крестьянским банком ссуда под 6 % годовых сроком на 49 лет вводила податное сословие во временно обязанное состояние и еще большую кабалу, нежели в дореформенный период, вынуждая нести те же повинности, что и до 1861 г. Условия, на которых Крестьянским банком предоставлялся кредит, ложились тяжелым бременем на плечи крестьянства, зачастую неспособного выплатить занимаемые средства и, вследствие этого, бросавшего выкупленную землю «на руки Банку через три-четыре года после покупки» [4]. В официальных документах того времени указывалось, что «с 1883 по 1900 г. в 44 губерниях крестьянство приобрело при посредстве Крестьянского поземельного банка 4 млн 399 тыс. 500 десятин, что составило всего 3,9 % от всей надельной земли, между тем как рост сельского мужского населения за это время составил 37 %. При этом «покупная цена зем-

ли, приобретаемой при содействии Крестьянского банка», во многих местностях держалась «...выше среднего уровня» [5, с. 494–496].

Ухудшению материального положения крестьян способствовало и предполагаемое Манифестом сохранение части земель за помещиком, что приводило к сокращению находящейся в руках крестьян земли по сравнению с дореформенным периодом. Статистические данные показывают, что из бывших помещичьих крестьян, а это 10608100 ревизских душ, лишь 13,9 % (1500000 человек) получили наделы выше нормы, а 43,5 % (4500000) – достаточные. В то время как 42,6 % крестьян получили наделы, неспособные прокормить их семьи, но обязанные быть выкупленными. Некоторые крепостные находились в еще более худшем положении: они были освобождены совсем без земли или с четвертным наделом [3].

Кроме того, одним из результатов реформы 1861 г. стала деформация крестьянских наделов, выразившаяся в резком сокращении их абсолютных размеров (до 20 %), переносах, потере наиболее ценных лесных и луговых участков [4].

Со временем крестьянское малоземелье приобрело еще больший размах во многом из-за увеличения численности населения: если в 1860 г. в 50 губерниях Российской империи на 1000 душ обоего пола приходилось 2308 десятин наделной земли, то в 1900 г. этот показатель равнялся уже 1298 десятинам, уменьшившись, таким образом, на 43,7 % [3].

Прямым следствием данного процесса явилась неспособность крестьян в полной мере удовлетворить свои потребности в еде. Анализируя данные официальной правительственной комиссии, автор одной из статей констатирует, что «в большинстве местностей Европейской России валовой сбор хлебов, за покрытием семенных, продовольственных и кормовых потребностей, погашает плату за арендуемые земли, но не дает сколь-нибудь заметного избытка и недостаточен «даже для собственного продовольствия крестьян». При сопоставлении среднего количества собираемых продовольственных полевых продуктов за исключением семян (1521505 тыс. пудов) с числом сельского населения в 1900 г. (91400 тыс. душ обоего пола) при учете годовой нормы продуктов в 20 пудов получается, что количество продуктов на душу обоего пола составляла только 16,6 пудов, т. е. на 17,0 % меньше указанной нормы [4].

Именно вышеприведенными последствиями отмены крепостного права и обусловлен прирост численности городского населения, формировавшегося главным образом за счет крестьян, мигрировавших из деревни. Историки указывают, что расходная часть крестьянских бюджетов намного превышала доходы земледельцев от ведения хозяйства на наделной и арендованной земле, что приводило к таким маргинальным по отношению к традиционной крестьянской экономике явлениям, как вынужденная товарность и промысловая деятельность крестьян, прежде всего в виде отходничества [4].

Выход из создавшегося положения малоземелья и нехватки продуктов питания во многом виделся в возможности миграции в города. А. Г. Рашин в качестве причины увеличения удельного веса крестьян в общей доле жителей российских городов указывал именно «поиск заработков». В контексте рассмотрения данной проблемы историк писал: «За пореформенный период при общем высоком росте городского населения вполне определенно наметилось заметное снижение удельного веса численности группы городских сословий (почетных граждан, купцов, мещан). Одновременно значительно увеличился удельный вес крестьян, направляющихся в города в поисках работы» [1, с. 126–129].

Условия жизни, в которых оказывались вновь прибывшие рабочие, имели крайне удручающий вид. Так, например, пролетарии московских фабрик вынуждены были снимать угол в коечно-каморочной квартире или ночлежке, где наблюдались такие явления, как переполненность помещений, антисанитария, зловоние, духота, отсутствие вентиляции и освещения. Аналогичными были и условия проживания в рабочих казармах.

В докладе Комиссии по обследованию коечно-каморочных и ночлежных квартир в Москве за 1899 г. давалась следующая характеристика жилья, снимаемого пролетарским классом: «На квартиру с 3–4 маленькими каморками, едва отделенными друг от друга дощатыми перегородками, приходится в среднем более 13 жильцов. И семейные, и холостые, и дети, обыкновенно по 2–4, иногда по 5 и более человек, теснятся в одной каморке, пользуясь жалким простором и какими-нибудь 0,4–0,8, а чаще 0,6 куб. саж воздуха. Помещение, часто сырое, мало доступное солнечным лучам и неветилируемое, поражает своей мрачной и грязной обстановкой и удушливой атмосферой, зачастую зловонной и наполненной пылью и всевозможными испарениями от человеческого тела, сырой одежды и разного хлама. В такой крохотной каморке, загроможденной домашним скарбом, постелями и рухлядью, жильцы нередко проводят целый день за работою и тут же спят. Спят – на чем придется: на койках, сундуках и на полу, подложив под себя мешки с соломой или даже верхнее платье» [6, с. 18].

Характерно, что даже столь низкий уровень жизни в городах позволял теперь уже бывшим крестьянам отправлять деньги на свою малую родину. В упомянутом докладе указывалось, что «большинство рабочих, имеющих семью в деревне, посылает туда: чернорабочие от 45 до 60 р. в год, а специальные – от 100 р. и более» [6].

В то же время отметим, что рассматриваемое увеличение миграционного потока из деревень в города не было характерно для всей Российской империи и отличалось в зависимости от развития промышленности в конкретных регионах и от господствовавшего рода занятий местного населения. Усиление процесса урбанизации происходило главным образом в торгово-промышленных районах Центральной России (Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Риге, Иваново-Вознесенске) и в горнозаводских центрах Южной части (Екатерино-

славе и Ростове-на-Дону). Указанная неравномерность объясняется и различиями в условиях наделения крестьян землей. Так, например, в наиболее неудовлетворительном состоянии оказались крестьяне центральных губерний, где 11,5 % крестьянского населения всех разрядов оказались необеспеченными землей, т. е. получили меньше двух десятин на душу, а 54 % обеспечены скудно, получив надел ниже четырех десятин на душу. Всего лишь треть крестьян (34,5 %) получила достаточные наделы [3].

Но в данном регионе развитие промышленности компенсировало фактор крестьянского малоземелья. Так, в материалах переписи в 1902 г. указывалось: «Москва, как промышленный центр, расположенный в средней полосе Европейской России и связанный с нею целю сетью железнодорожных путей, привлекает к себе население требованием рабочих рук, как большой город и, наконец, как культурный центр, где сосредоточены ученые и учебные заведения ... Рядом с Москвой и Московской губернией находятся наиболее беднейшие губернии, без широкой местной промышленности, с ничтожными крестьянскими наделами, низкой урожайностью, требующей от населения дополнительного заработка в виде отхожих промыслов и посылки части населения для заработка в город и на фабрику – Калужская, Рязанская, Смоленская, Орловская, Тульская и другие губернии» [1, с. 137–138].

Таким образом, реформа по отмене крепостного права, усугубив незавидное экономическое положение русского крестьянства, привела к еще большему ухудшению жилищных условий основной массы городского населения. Именно Манифест от 19 февраля привел к крестьянскому малоземелью и стал отправной точкой роста урбанизации, беспрецедентной по своим масштабам. Характерной чертой городской жизни в описываемый период становятся коечно-каморочные и ночлежные квартиры, условия проживания в которых отличались антисанитарией и высоким уровнем развращенности их постояльцев. На протяжении десятилетий второй половины XIX – начала XX в. власти будут вынуждены тратить огромные материальные средства на ликвидацию квартирной нужды, ставшей настоящим злом российских городов. Однако побороть жилищный кризис удастся лишь в годы советской власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Рашин, А. Г.** Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) / А. Г. Рашин; под ред. С. Г. Струмилина. – Москва: Гос. стат. изд-во, 1956. – 352 с.
2. **Гиляровский, В. А.** Москва и москвичи / В. А. Гиляровский. – Москва: Моск. рабочий, 1979. – 464 с.
3. **Рубакин, Н. А.** Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы [Электронный ресурс] / Н. А. Рубакин // Исторические материалы. – Режим доступа: <https://istmat.org/node/24516>. – Дата доступа: 10.04.2022.
4. Экономическое положение крестьян в России в конце XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] // КЛИО. – Режим доступа: https://istoriki.su/istoricheskie-temy/rossiyskaya_

imperiya_v_xix_veke/610-ekonomicheskoe-polozhenie-krestyan-v-rossii-v-konce-xix-nachale-xx-v.html. – Дата доступа: 10.04.2022.

5. **Ленин, В. И.** Сочинения / В. И. Ленин. – 2-е изд., испр. и доп. – Ленинград: Гос. изд-во, 1926. – 791 с.

6. Санитарные условия коечно-каморочных квартир в рабочих районах Москвы // Доклад Комиссии по обследованию коечно-каморочных и ночлежных квартир в Москве, чит. в заседании Санитар. группы 31 мая 1899 г.: С приложением доклада Комиссии по осмотру городского ночлежного дома.

УДК 94(47).083

П. Е. Ломако

ЛИСТОВКИ РУССКИХ АНАРХИСТОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: АГИТАЦИЯ КРАЙНИХ ЛЕВЫХ СИЛ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье предпринята попытка собрать воедино все доступные на данный момент сведения о выпуске русскими анархистами листовок на территории современной Беларуси в годы Первой русской революции, а также рассмотрена тематика прокламаций, созданных на обозначенной территории.

Ключевые слова: русские анархисты, Первая русская революция, Беларусь, Минск, Ружаны, Гродно, Пинск.

В изучении политической истории большую роль играют те источники, которые позволяют увидеть эволюцию взглядов представителей той или иной партии, течения на какой-либо вопрос политической или общественной жизни. Анархизм не является исключением. В истории анархизма, помимо таких известных мыслителей, как М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин, были и менее заметные фигуры, от которых остались лишь письменные источники (газеты, журналы, листовки). Подобные тексты позволяют проанализировать малейшие изменения во взглядах анархистов, увидеть проблемы, волновавшие их в тот или иной момент времени.

До Октябрьской революции 1917 г. большинство газет и журналов русских анархистов выходило в эмиграции в Европе и Америке. На территории же России чаще встречались листовки, которые были проще в изготовлении и распространении. Регулярный их выпуск начался в 1904 г., когда в Белостоке, Гродненской губернии окрепли созданные годом ранее анархистские группы, а также возникли объединения в Одессе, Москве и других крупных городах [7, с. 111]. Большую работу по вводу данного исторического источника в научный оборот проделал В. В. Кривенький, издавший в 1998–1999 гг. двухтомный сборник документов «Анархисты. Документы и материалы». Однако в фондах российских архивов, в частности ГАРФ, до сих пор остаются неиссле-